

Владислав Дрожащих

Дрожащих Владислав Яковлевич родился в 1952 г. в Перми. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета. Автор четырех книг стихов: «Небовоскресенье» (Пермь, 1992), «Блупон» (Пермь, 1992), «Твердь» (Челябинск, 2000), «Рифейские строфы» (Пермь, 2004). Публиковался в журналах и альманахах «Урал», «Несовременные записки», «Пастор Шлаг», «Уральская новь», «Крест», «Лабиринт», «Антология тишины», «Юность», «Октябрь», «Золотой век», «Арион», «Дети Ра» и многих других. Лауреат Всесоюзного фестиваля поэтического творчества «Цветущий посох» (Бийск, 1989), премии им. Б. Полевого за лучшую публицистику и эссе (журнал «Юность», 1993). Соавтор сценария неигрового фильма режиссера П. Печенкина «Человек, который запряг Идею» («Новый курс», Пермь, 1993), который получил высшие награды международных и российских кинофестивалей («Гран-при» – Дьер, Венгрия, 1995; «Серебряный кентавр» – Санкт-Петербург, 1993; главный приз фестиваля в Иркутске, 1999). По стихам (сценарию) В. Дрожащих режиссером В. Наймушиным снят фильм «143-й вагон» («Арт-медиа», Пермь, 2008), ставший участником Международного фестиваля поэтического кино ZEBRA в Берлине (2008). Участник АСУП-1,2,3. Работает журналистом. Живёт в Перми.

Филологическая маркировка стихов В.Д.

Традиции, направления, течения: модернизм, символизм, футуризм, сюрреализм, экспрессионизм, постмодернизм, метареализм (метаметафоризм), барочность, визуальная поэзия, иронизм, соц-арт, философский концептуализм.

Основные имена влияния, переклички: А. Вознесенский, В. Хлебников, Б. Пастернак, О. Мандельштам, В. Кальпиди, ранний Маяковский, А. Рембо, Б. Сандрар, Ф.Г. Лорка, обэриуты.

Основные формальные приемы, используемые автором: ассоциативный ряд метафор, нефигу-

ративный поток сознания, яркая избыточность образа.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: карнавализация образов культуры, игротека, синтетические фактуры, цвет, термальные состояния жара, кипения, сухости, небесная твердь, ангел, язык и поэзия.

Творческая стратегия: эстетическая оппозиция бытовому сознанию, мифотворчество в тексте.

Динамика: стихи 1-го тома резко отличаются от текстов, опубликованных во 2-м, своей форсированной экспрессией, широким тематическим диапазоном. Начиная со 2-го тома, «страстность» текста уходит на второй план, на первый выходят философские концепты, запечатанные в развернутые метафорические конгломераты, поглощающие порой всё реальное пространство текста. В 3-м томе этот стиль начинает изживать себя, но при этом не обнаруживает дальнейшие возможности для развития.

Коэффициент присутствия: 0,7

СЕКУНДУ НАЗАД

(автобиографические записки)

Чугунная дева

С первых моих нежных лет наилегчайше воздушной, подвижной средой моего существования и вранения в жизнь была старая Пермь с безукоризненной бульжной разметкой улиц. Через квартал театральный сквер с детской площадкой и скульптурой моей ровесницы в натуральный рост – чугуновой девочки со сферическими, от избытка собственного чугунного детства, щеками, отполированными ласковыми ладошками юных горожан, щебечущими ласковыми колоннами, нежными поколениями канувших в безвестный камский туман; тогда я еще умел по секрету переговариваться с ней, моей ровесницей и собеседницей – на неизвестном языке, тайком от взрослых. Циклопический рев трамваев за углом поднимал все выше к облакам и носил над городом шелестящую стаю голубей – широким воздушным парусом, над центральным гастрономом, «победами» на шумном уличном перекрестке, над отточенной стереометрией жестов милицейского регулировщика, словно забывшего гражданский фрак симфонического дирижера в театральной гримерке неподалеку, над свистящей голубятней на крыше флигеля в нашем дворе, снова над гастрономом, неутомимым регулировщиком и размашистыми кристаллическими кустами сирени, застывшими, как немая сцена в соседней каменной опере, над маленькой недвижной девой с улыбкой на почти зеркальном чугунном лице

На руках у мамы

и где-то высоко-высоко надо мной, трехлетним, стоящим вровень и рядом с ней.

Подземка

Каменная тетрадь старинных кварталов в безукоризненную арифметическую клетку раскрыта была для меня на странице Кирова, 58, с заглавной двухэтажной буквой нашего дома, наполовину каменного, наполовину деревянного, как раньше строили.

Пермская история не уходила из окрестностей нашей ограды: напротив – двухэтажный каменный особняк известного купца, лесопромышленника и пароходчика Павла Жирнова; рядом, где-то под нами – бывший подземный гужевой путь, построенный в XIX веке местными купцами. Проложен он был, с подземными складскими ответвлениями и ходами, через весь город – от загородного сада до пристаней на Каме.

Один из карманов этой подземки, глубокий подвал, располагался прямо под нашим домом. Такие же сооружения горбались кирпичными сводами под соседними домами.

Родная тетка по прозвищу Кока подрабатывала в овощном магазине за ближним углом на сортировке картошки в холодном подвале с тусклым освещением. Однажды в полутемном коридоре нашей коммуналки на первом этаже она подвела меня к огромной дыре, пробитой в стене под умы-

вальником, – ход вел в сырую бездну подвала. Кока зажгла наспех сооруженный факел и со словами «смотри сюда» высветила мрачный провал в стене. Я нагнулся и скоро в кольях тени увидел рыжевато-белесое чудище, идущее прямо к нам из темноты. По виду – непомерно рослый хомячище с красноватыми глазами, а в них слезились и кривлялись маленькие огни. Зверище на высоких тонких лапах и величиной с собаку медленно и слепо двигалось на огонь. Тетка загасила факел – видение исчезло. Возможно, старая гужевая дорога была связана с системой отработанных пермских шахт, а странные обитатели заброшенной пермской подземки могли выйти за километры от места своей лежки. Поближе к солнцу и библейскому шелесту камских вод. Еще в детстве я утвердился: в подземной Перми существуют некие таинственные проявления и загадочные существа, выкликаемые огнем и умирямые одним прикосновением темноты.

Линза

Давно исчезло детство в кипящем кислыми щами человеческом улье, с тогдашними нехитрыми чудесами в потайном хаосе советской коммуналки: вместо цветного телевизора – пылающие головешки в печи, вместо скайпа – теткин самовар с зеркальными боками и парадной медальной гравировкой царских выставок, в нем я корчил рожи самому себе. А заодно страшным дядькам из соседней ограды, гонявшимся за недорезанным хряком по нашему двору. Поддатому стилиге с тонкими усиками и горластой сверкающей тру-

Отец, Яков Иванович

бой под мышкой, обитавшему где-то на верхнем этаже. Во дворе про него говорили, что он работает в оркестре оперного театра.

Родные тетки самовольно изъяли меня в загнанной, заплеванной весенней распутицей заячье-беляковской шубке прямо с улицы и крестили в егошихинской кладбищенской церкви, в тайне от отца, партийца при какой-то важной районной должности, в недавнем прошлом воздушного десантника-добровольца, покалеченного войной. Глядя на святых под куполом церкви, я теребил теток: «Где наши, где немцы?». Они отмахивались. Я вышел на церковное крыльцо круглым сиротой – в сумрачном проходе чьи-то проворные набожные руки живо надавали мне милостыни, каких-то шанег и пирогов.

Как на маленькой пухлой детской ладони, озаренной электрическим солнцем, я вижу: отец сидит на диване под апельсиновым абажуром с круговой тенью по потолку и стенам и читает мне русские сказки перед сном. Ночное радио, какие-то радиопостановки и неизбежно сопровождающие их разноцветные картинки, возникающие неведь откуда, из воздуха и мерцания, плывущие в пелене воображения передо мной, в океане домашней тьмы. Мне года два-три. Вечером из окошка – мигающие звезды, я развожу руками, ладонями друг к другу, точно пробуя круглый воздух на прочность, и боюсь сдвинуть их: думаю, что такое же множество звезд, только совсем крошечных, а потому невидимых, у меня между ладонями. Большие звезды – там, далеко, и уходят они в непонятное никуда, в свои неведомые бесконечные занебесные ульи и пасеки. Но тогда есть и другое, крошечное, невидимое никуда, есть и другие, крошечные собрания никому не известных светил и планет. И все они повисли у меня между ладонями, не умея заявить о себе: «Подожди, мы живем!»

И все это как-то стало у меня совмещаться: потаенная, подземная и ландшафтно-реальная Пермь моего детства и эти непонятные звезды.

И я знаю: все это создает силовое поле творчества, эффект поэтической линзы пространства. Может быть, поэтому я не захотел потом вырваться из поля притяжения Перми, хотя попытки уехать были. Творческому человеку, безотносительно того, что ему нужно передвигаться в межконтинентальном пространстве, предпочтительнее жить в том месте, где он родился. Именно здесь своеобразная наведенность ландшафта той местности, где ты обитаешь, и звездной карты неба. Эти космические и подземные нити энергии на поверхности земного ландшафта закручиваются так, что мысль, которая возникает в авторе, становится удачно реализованной, когда совпадает с этой огромной пространственной и похожей мыслью. Вот тогда и возникает резонанс, и на страни-

В.Д., 2 года

цах маленькой домашней вечности, заставленной чаепитиями, интернетом и детьми, выжигаются некие знаки твоего беспредельного творческого присутствия на Земле.

Вздохнуть хохмой

Если вздохнуть хохмой, то: «Мои влияния – возлияния». Но я о списке судьбы.

Отец. Увидев мой интерес к стихам, он грузил меня десятками стихотворных книг, а я чемоданами сдавал их в букинистический. На первой же сотне изданий изящно смекнул: можно самому написать лучше.

В пятнадцать лет наткнулся в «буках» на несколько томов разрозненного собрания сочинений Маяковского – пошел самостоятельные стихи.

После десятого класса так и недоучился на токаря-карусельщика, но за полгода выточил, стоя за станком, 1000 стихотворений. Сжег их в унитазе.

Скоро папа по благу устроил меня к себе на авральный строительный заводик с вихляющим графиком работы, там было немного легче, чем эскимосу в тропиках. Я мог по три смены подряд сколачивать каркасы для панельных перегородок в жилых домах. Одним ударом научился вбивать четыре гвоздя, стягивая два пятиметровых бруска. В голове кружились новые стихи, цитаты из Лермонтова, Тютчева, Фета.

После третьего курса Пермского универа с рукописью поехал к Вознесенскому, встретил его на пушечном, спуртующем выходе из лифта знаменитой сталинской высотки на Котельнической набережной в Москве. Окликнул наугад. Летняя жара, я в черном костюме, а у него дела. Доехали в такси до ЦДЛ, а там семинар юных писателей СССР, и все парятся в одинаковых похоронных костюмах у входа. Вышли из такси. Вознесенский еще минут 10, жестикулируя правой, проговорил со мной под обалдевшим прицелом мокрой толпы. Все пялились на нас, особенно на мой костюм. На прощание Андрей Андреевич напутствовал: «Пришли пакет, только напиши, что был». Пакета я так и не прислал. Зато, приехав потом спустя 20 лет с выступлением в Пермь, на вопрос из зала «Каких пермских поэтов вы знаете?» он с паузой назвал троих: «Беликов, Дрожащих, Кальпиди».

Знаки присутствий

Поэтическим самообразованием занимался долго (Рембо, Уитмен, Лорка, Сандрар, Манделштам), пока не понял, что можно читать, не раскрывая книг судьбы, можно выращивать изумительные цветы воображения, не записывая их в обескровленном, анемичном виде гнусно-привычных, никаких стихов и поэм. Типография – гильотина для воображения. Интернет – сломанный детский велосипед для поэтов с пирамид Марса или из полости Луны. Подержав в руках оплавленный очерский метеорит, чувствуешь, что ты сам являешься продолжением лучей, скрытых в нем,

начинаешь видеть события по другую сторону ясно освещенных предметов и явлений. Однажды я написал стихотворение, а потом стал путешествовать по нему наяву. Рембо я прочитал в пермском трамвае, не раскрывая книги. Первую книжку поэта Петра Вегина, вплоть до расцветки обложки, я увидел во сне и в тот же день набрел на нее в огромном городе.

В мае 84-го пермский поэтический десант вошел в число участников VIII Всесоюзного семинара молодых писателей. Там было торжественное открытие с приглашением делегаций молодых писателей стран социалистического содружества. И вот через некоторое время откуда-то из Грузии мне присылают вырванную из «Огонька» страницу – с фотографией и коротким сопровождающим текстом. Смотрю – знакомые все клоунские лица! Четыре пермских богатыря, в одном плотном ряду восседающие на том самом торжественном открытии. Один и в самом деле смахивает на двоюродного брата Ильи Муромца. Именно он своей могучей русскостью и курчавостью густого волосяного оклада привлек внимание фотокорреспондента. В зале сотни пиитов, а фоторепортер предпочел нас. Так мы прошли фотокастинг «Огонька». На свой семинар нас вдвоем с Виталием Кальпиди взял поэт Петр Вегин. К нам он отнесся благожелательно (предложил мне, если надумаю переехать в Москву, помочь с жильем). На третий день на семинаре появился Роберт Рождественский. Так получилось, что мне везет замыкать коллективные трудовые будни литераторов. Я выступал последним

В.Д. с В. Кальпиди, 1987 г.

из участников, прочитал отрывок из поэмы о поезде, написанной верлибром и построенной на многостраничном определении поезда с использованием ассоциативного ряда метафор (такого, кстати, еще не было ни у кого). Читаю – смотрю: у Рождественского губа начинает кривиться, как линия фронта в гражданскую войну. Читаю – губа кривится дальше, то отступая, то захватывая все новые территории, станции, базарные площади и стратегические постройки в виде конюшен, мазанок и бань. Я закончил читать – губа вернулась на место. Кто-то спросил с места: «Где ваши стихи можно прочитать?». А у меня ни буквы не опубликовано. А Рождественский снова скривил губу и неодобрительно произнес: «Испанская поэзия какая-то...» Такой похвалы неизвестному автору, к тому времени не опубликовавшему ни запятой на родном языке, можно было ожидать разве лишь от божественного Гарсиа Лорки. Да вот незадача, ничего там от испанской поэзии не было. Может быть, это для Рождественского неслыханные по литературной наглости стихи звучали темно, невнятно и непонятно, как на испанском.

Истерика слонихи

В середине 80-х нас с Кальпиди звали в литобъединение при Союзе писателей. Руководил объединением замечательный Авенир Крашениников. Это была ситуация литературного слова в Перми. До этого все было дозировано и традиционно: на одного талантливого несколько дура-

ков. А тут две бомбы. Мы заранее посмеивались над происходящим, но договорились вести себя смирно, как воспитанные овечки. Когда обсуждали Кальпиди, взволнованный Коля Бурашников, сразу что-то заговорил про купол Софийского собора, про смальту и неожиданно заключил: «Хорошо, что у нас появился такой Кальпиди». С места, осаждая, раздался вопль: «Коля, ты что, кого защищаешь?!» Это подала металлический гудок тетка-паровоз, раздуваясь всем своим гневно гугукающим зевом. Эту известную своей непреклонной тупостью и безупречной поэтической глухотой пожилую советскую Эвридику носил бы на руках весь состав ревтрибунала. Коля ответил тихим заборматыванием: «А что, что...» На мясистых плечах безразмерной тетки, кривым ореолом расплывшейся по комнате от чувства своего торжества, засветились погоны генералиссимуса. Сидела воробышком, а тут – на тебе. Назревало утро стрелецкой казни, правда, в женском отделении Союза писателей. Милейший Крашениников понял подтекст услышанного и попросил мадам высказываться в более приемлемой форме. Мадам продолжала демонстрировать все знакомые ей извращенные формы литературной ненависти и запугивания по отношению к окружающим. Авенир указал даме на дверь. Ту затрясло, громкий голос куда-то исчез. Дама потянулась к выходу, как толпа упитанных эвридик из кинотеатра после демонстрации фильма «Орфей в аду», и как-то снисходительно, вот так, по-простому,

по-партийному, по блоку беспартийных и коммунистов, многообещающе повторила свою угрозу, бросив на прощание Авениру: «А с вами мы поговорим в другом месте». Авенир взорвался и в тот же вечер слег с инсультом.

На следующем обсуждении, уже без Авенира, меня укатали, хотя почти все участники объединения были за меня. Новый руководитель зачитал отрицательные рецензии тогдашних столпов пермской поэзии и литературно-издательской деятельности. Я прямо спросил: «Вы что, боитесь?» – «Да что вы...» – с ангельской улыбкой легкой застенчивости ответил руководитель.

Горизонтальные связи

Отдушиной стало молодежное творческое объединение «Эскиз», появившееся в редакции «Молодой гвардии» осенью 81-го, где я тогда работал. Там, на одиннадцатом этаже Дома печати началось новое пермское художественное сообщество. Прошла персональная выставка художника Славы Смирнова. На встречах читались стихи, приходили гости – керамист Мацумаро Хан, будущий кинорежиссер Паша Печенкин (Паша и сам писал стихи). Устроено все было довольно хитро. Инициатором был газетный отдел пропаганды, а прикрывал все, даже не догадываясь об этом, Михаил Смородинов, всегда выступавший в конце встречи с заключительным словом, как прокурор, адвокат и потенциально обвиняемый в одном лице. За встречами следовали публикации. Пользуясь своим служебным положением, я тогда протащил в газету стихи своих друзей. «Эскиз» – это лада с самостоятельной командой дерзких и смелых в кипящем океане вранья. Мы ездили с выступлениями по области, приглашали к себе москвичей. В то время при редакции популярнейшего журнала «Юность» работало

знаменитое поэтическое объединение, давшее немало самых громких имен поэзии 80-х–00-х. К нам приезжали руководитель объединения поэт Кирилл Ковальджи (потом именно он даст мне рекомендацию в Союз российских писателей) и тогдашний староста, поэт Евгений Бунимович (сейчас он бессменный президент Московского международного фестиваля «Бьеннале поэтов»). Пермь выступала в редакции «Юности» с ответным визитом. Минувшей осенью я был в Москве, встречался и с Ковальджи – на совместном выступлении в Литинституте, и с Бунимовичем – на закрытии бьеннале. Мы двадцать лет не виделись. Все такие же открытые, доброжелательные, как и двадцать лет назад. Горизонтальные человеческие связи мало поддаются ржавчине времени. А тот наш давний «Эскиз» – явление, опередившее затянувшийся закат целой эпохи.

«Подожди, мы живем!»

Гармония, как источник жизнотворчества и собственного пути, приходит, невзирая на слова и буквы, на шелест и шторм родной речи. Мы пишем не словами, а некоей энергией в них. Мы пишем стихотворение, но и оно каждый раз пишет нас. Беспричинная лирическая бессонница в чистом виде – удел ночных сторожей и воров, несолоно хлебавших чугунного млека Музы. Но это и сверкающая творческая соль – в присутствии неких сторонних знаков и движений, стечений персонажей и непридуманных событий, уточняющих движение поэтического воображения, инстинктов, озарений, становий небесных светил и огней. И ты иже с ними, как в детстве: «Подожди, мы живем!». Впрочем, бессонница может настичь нас и в полярную ночь каторги, и в световую секунду любовной схватки с жизнью. Мы доходим до невозвратной точки гармонии, и стихотворение уже не принадлежит нам, а равноправно всему и всем.

Отдельная благодарность за это всей команде моих друзей. Екатеринбург и водителю доисторического «КраЗа», врезавшего свою тяжелую машину в металлическое ограждение на трамвайной остановке, где мы стояли восьмером – если бы железной перегородки не было, не было бы целого уральского поэтического поколения. Юрию Влодову («Прошла весна, настало лето. Спасибо партии за это») – за долгий ночной разговор о свойствах поэтического пути и стихи на двоих в редакции журнала «Юность» (20 лет назад). Александру Еременко – за веселый приют на Патриарших (10 лет назад). Всем, кого жду и люблю (секунду назад).